

Роман Вершилло

Плохая вера

Москва, Антимодернизм.Ру, 2022

Аннотация

В данной работе понятие «плохая вера» (*mauvaise foi*, *bad faith*, «вера самообмана») у философов Эриха Фогелена и Жана-Поля Сартра применено к анализу веры православных модернистов.

Содержание

Письмо о плохой вере	4
Вера самообмана по Ж.-П. Сартру	8
Фогелен о плохой вере	14
Реальность и плохая вера. Выводы антимодерниста	20
Предметный указатель	24
Список литературы	25

Письмо о плохой вере

Хотелось бы надеяться, что за последние 10-15 лет все непредвзятые лица убедились, что в Православной Церкви существует модернизм. Однако о природе модернизма, о механизмах веры и неверия судят по-разному.

Чтобы прийти к согласию, нужны ясные понятия, которые позволят нам различить истинное и ложное. Как это может происходить, мы увидим на примере письма – комментария на нашем сайте.[1]

Письмо содержит богатый материал для рассуждения о природе православного модернизма, и не только его, но и других идеологий. Изложим соображения нашего комментатора по порядку.

Он начинает с того, что модернисты – люди НЕВЕРУЮЩИЕ, но умеющие скрывать своё НЕЗНАНИЕ и НЕВЕРИЕ, находясь в Церкви.

Умеют модернисты и открывать, делать явным свое незнание и неверие. Они ведут модернистскую миссию среди православных, то есть лгут. Например:

В воскресной школе настоятель говорит, что ему ближе католицизм по культуре обрядности. Но, заключает он, ничего не поделаешь – Истина в Православии, и он вынужден быть верным ему.

Или на Панихиде говорит, что во время военных действий на Украине наш долг молиться за обе стороны. Потому как там тоже православные. А оценку этим событиям пусть дают политики и церковная иерархия. Мы же должны молиться о мире и об убиенных.

Вот каков непосредственный повод для письма: священник проповедует неверие и безнравственные вещи. Ниже мы уточним, какого рода это неверие и безнравственность.

Теперь посмотрим на это с точки зрения прихожан.

Прихожане слушают и думают: вот этот батюшка архимандрит был рукоположен в 1989 году, разве он может быть не прав? И кто я такой, чтобы сомневаться в его словах? То есть прихожане приспособляются к сказанному, значит, тут мы использовали понятие КОМПРОМИСС.

Как происходит компромисс?

Во-первых, что-то изменилось в душе прихожан. Простота веры ушла, а на её место пришло сомнение, то есть то самое НЕВЕРИЕ, которое звучит в словах священника. Ты тоже понял, сориентировался по старой привычке и стал перенимать у учителя эту снисходительную улыбку, кротость с собеседником, который чересчур категоричен и консервативен.

Во-вторых, прихожане адаптируются к неверию, потому что знают, что проповедник защищен от их возмущения и бунта. Чем он защищен? Наш комментатор анализирует это:

Он говорит такие вещи, и в то же время дает понять, что он никого вовсе не убеждает и, уж конечно, не приглашает к дискуссии. Почему он догматически не утверждает того, что говорит? Потому что знает, что обычная вера и обычная мораль его не подтверждают. Он знает, что слушающие ему не поверят, осудят его, и будут гнать его за горькую-де правду. Он защищен СМИРЕНИЕМ.

Слышащие вынуждены сдаться на милость проповедника, так и не разгадав эту тайну, принимая далее всё от него без критики. «Без критики»: то есть не задавая вопросов, а вопросов, как мы видим, возникает множество.

Наш комментатор излагает далее свои наблюдения.

Итак, прихожане сдались (речь о компромиссе, конечно), но это не приносит мир в душу. Они растеряны, так как верят и верили настоятелю, но теперь видят, что он и не нуждается в их вере или неверии.

Почему проповедник не нуждается в их доверии?

Потому что он не может их пригласить в свой мир, чтобы проверить сказанное им. Того, что он описывает, просто не существует. Не существует католической обрядности отдельно от католицизма. Не существует такого мира, где бы можно было встать над схваткой двух государств. Во время войны каждому приходится занять ту или иную сторону. Его принудят к этому, даже если он не хочет.

Итак, такой священник существует в каком-то своем мире, куда он не может пригласить прихожан. Ниже мы выясним, в каком мире он существует.

Наш комментатор пишет, что в жизнь прихожан вошло что-то новое – нечеловеческое. Почему «нечеловеческое»? Потому что мы обычно можем понять другого человека, понять, как он устроен внутри. Благодаря диалогу мы понимаем, что перед нами – человек, а тут этого почему-то нет.

Комментатор продолжает:

Да, думаешь ты, – это то, что нужно принять в себя – убив в себе прежнего душевного простачка. Это видимо и есть не бесчеловечность, а неотмирность, исихия. И хватаешься за это объяснение как за соломинку. Потому, что чувствуешь, что в глубине поднимается бунт против таких взаимоотношений. Так ведь он и готов к этому с самого начала... И ничего другого и не ждал от тебя.

Живя посреди обычных людей и портя им душу и мозги, такой человек в своих очах становится всё преподобнее и преподобнее. Он имеет власть и недосыгаем для критики. И даже если человек отходит от такого учителя, то его провожает примирительное НЕВЕРИЕ и СМИРЕНИЕ.

Почему оно примирительное? Потому что священник знает, что его собственные мнения необязательны и непроверяемы. Но так же непроверяе-

мы и мнения его прихожан. Вот этому он их научил. У них теперь тоже не вера и знание, а всего лишь мнения.

Вот какие странные вещи мы узнаем про такого человека! В том, что он – человек, мы удостовериться не можем, хотя и хотели бы. Он сам не дал нам удостовериться в этом. Значит, у него какое-то необычное сознание. Мы еще выясним какое.

В этом месте комментатор правильно отмечает, что возникает ощущение замкнутого круга. Сознание модерниста и соvrащенных им не открыто к Истине, а закрыто от Нее. Оно закрыто от Бога и людей, а замкнуто на самое себя.

Далее комментатор формулирует еще один важный тезис. Для священника – это способ существования: оставаться закрытым, «не понятным», но вынужденным жить с этими людьми и говорить им «правду». Оказывается, тут не просто лгут, а фальсифицируют бытие. Теперь ложь есть способ существования.

Действительно, наш проповедник побеждает врагов смирением, то есть тем, что не требует от себя и от них слишком многого. Чего «слишком многого» он не требует, и даже не ожидает? Он не требует от себя и от других всей правды.

А прихожанин? Он тоже так живет и давно уже стал не верующим, а только правильно закрытым, обезопасившим себя профессиональным православным смирением. В этом смысле – он достойный ученик.

Миссия модерниста прошла успешно, даже если прихожане этого не поняли.

Выводы

Наш комментатор подходит к выводам. Он задает цепь основательных вопросов:

Внешне все обстоит благопристойно, но не зазеркалье ли это, не сатанинская ли пародия?

Правильно: возникает ощущение, что ты спишь.

Может ли христианин размышлять об этом? Или же это и есть бунтарский, революционный дух, с которым человеку нигде не будет покоя? Спорить и переубеждать (бунтовать) ты не можешь. А сказать твёрдо всё как есть – это значит стать врагом.

Это вопрос возникает оттого, что в Церкви не принято возражать против лжи, если она защищена по всем правилам. Возражение считается немирным умонастроением, бунтом против иерархии.

Комментатор спрашивает:

В чём сила этих слов, помимо власти, которую подаёт священство?

Сила, которая заставляет не думать об этом.

Совершенно верно: идеология всегда основана на том, чтобы не думать о тех или иных действительных вещах. Но чтобы приказать не думать, надо иметь силу особого рода.

Автор письма к нам на сайт сам отвечает на этот вопрос так:

Эта сила есть ВЕРА в то, что они обладают сокровенным знанием. Знанием о том, как вещи в этом мире обстоят на самом деле и как в действительности устроен этот мир, а не так как мы верим и надеемся. Эта правда, она якобы горькая в том смысле, что Правды никакой здесь нет.

Вот такая это сила: она отменяет правду и в душе слушателя. И проповедник и слушатель остаются с одними лишь мнениями. Если я согласился с этим, то, заключает наш комментатор,

Я сам недостаточно люблю Истину. Мое «благоразумие» – страх, которым я овладел, уже владеет мной и заменил собой Христианство.

Предмет анализа

Как мы видим, письмо богато содержанием и предлагает тонкий анализ с двух сторон:

1. священника, который отрицает реальность.
2. мирянина, который вынужден внутренне согласиться со священником, хотя знает, что на самом деле священник говорит неправду.

Впрочем, мы бы не хотели скатиться к изучению душевных движений того и другого, то есть к психологии.

Нет, все это происходит в реальном мире. Мы говорим о людях, которые существуют пред Лицом Божиим, но думают только о своих мнениях и чувствах и о том, как они выглядят в чужих глазах. Память о Боге разрушила бы такой приход и Церковь.

Теперь мы дошли до самого основания проблемы, потому что усвоили следующие понятия:

Неверие – темой всего рассуждения является именно неверие: как в Церкви существуют неверующие, каков их способ существования.

Незнание – неверие представляется нам своего рода незнанием, потому что оно есть ложь.

Ложь – священник просто лжет про спецоперацию, католицизм и т. п.

Уход от преследования – священник говорит ложь, но для него это происходит безнаказанно, потому что он знает, как лгать.

Скромность

Закрытость – замкнутый круг.

Социальная ложь – власть лжи – социальная. Она зиждется на согласии, на общих духовных болезнях: неграмотности, глупости, бесстыдстве.

Не думать – такая ложь запрещает думать о существенных вопросах. Исключена память о Боге, предстояние пред Богом.

Бунт – христиан считают бунтовщиками, сектантами, раскольниками, потому что требовать веры, памяти и предстояния неприлично и опасно для единства Церкви.

Сон – возникает атмосфера Зазеркалья.

Правда не существует, есть только мнения.

Особое сознание – у модернистов и доверяющих им – патологическое сознание, которое уживается с ложью (разумное сознание не может ужиться) и фальсифицирует вокруг себя все новые и новые области бытия.

Все эти понятия подводят к важному понятию: плохая вера. Как мы надемся, оно послужит для выяснения, в чем состоит вера модернистов.

Вера самообмана по Ж.-П. Сартру

Для анализа понятий на сайте «Антимодернизм.Ру» мы уже привлекали философов, так сказать, со стороны: Гоббса, Паскаля, Гегеля, Альбера Камю, Лео Штраусса, Эриха Фогелена. Теперь мы прибегнем к такому автору, как Жан-Поль Сартр. Его, конечно, никак нельзя поставить в один ряд с перечисленными лицами. Но в одном моменте он нам может подойти: для уточнения понятия модернизм.

К модернизму прекрасно подходит определение: «Плохая вера».

Понятие плохая вера я обнаружил у философа Эриха Фогелена в его лекциях 1967 года в Университете Эмори.[2, Р. 235-239] Он же заимствовал его у Сартра.

В своем сочинении «Бытие и ничто»[3] Сартр называет это явление *mauvaise foi*, то есть буквально: «плохая вера», и означает «неискренность», «намеренную и искусную ложь», «обман доверия», «подделку». Фогелен говорит о *bad faith*, а в русском переводе В.И. Колядко это понятие переведено как «вера самообмана».

Я предпочитаю переводить как «плохая вера», с оттенком: «бедная».

Начнем мы с Сартра, потом дополним объяснениями Эриха Фогелена, и наконец, подведем итоги.

Вера самообмана

Сартр предлагает говорить о самообмане в точных понятиях и начинает с того, что определяет самообман как своего рода веру. Он уточняет, что

эта вера является проблематичной. В отличие от обычной веры самообман сразу создает проблемы:

Если называют веру согласием бытия со своим объектом, когда объект не дан или дан неотчетливо, тогда самообман есть вера, и существенной проблемой самообмана является проблема веры.[3, С. 101-102]

Сартр правильно отмечает змеиную, замкнутую на себе природу самообмана: «Проект самообмана сам должен быть самообманом», – пишет он.[3, С. 102].

Самообман, как и другие гностические выражения, должен совпадать с означаемым.

Например, понятие «воли к власти» должно быть самой этой волей, иначе будет непонятным.

Или «управление сознанием»: внушая, что сознанием можно управлять, ты уже им управляешь.

Еще можно вспомнить модернистский штамп про «жизнь, а не догму». Здесь понятие «жизни» должно быть самой жизнью, и не меньше того.

Далее Сартр говорит о решении, то есть о волевой составляющей веры самообмана:

Решение быть в самообмане не осмеливается назвать свое имя, оно думает и не думает о себе как о пребывающем в самообмане. И именно оно с возникновения самообмана решает о всей последующей позиции и, так сказать, о *Weltanschauung*¹ самообмана.[3, С. 102]

В самообмане «вера есть решение и... после каждой интуиции нужно решать и желать того, что есть».[3, С. 102]

Православные модернисты, как правило, смешивают волю с верой. Так судили уже предтечи модернизма, а Достоевский прямо сформулировал как волю к вере:

– Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... – залепетал в иступлении Шатов.
– А в Бога? В Бога?
– Я... я буду веровать в Бога.[4, С. 200-201]

Такая плохая вера как будто верит более горячо, чем просто вера. Отчего так? Потому что она есть воля к вере, решение верить. Но почему-то и горячности оказывается недостаточно, чтобы по-настоящему убедиться. Чего-то явно не достает, и «плохо верующий» об этом знает.

¹ Мироззрения. – В.Р.

«Воля к вере», «воля к самообману», разумеется, проблематична. Это не нормальное чувство или вера. Вера самообмана непростая, и о ней нельзя сказать просто, не обнаружив ее проблематичность.

Вера самообмана не то чтобы хочет обманываться и обманывать. В ней нет никакой положительной программы. Человек обманывает не ради выгоды, а ради разрушения себя самого. Плохая вера просто разрушительна.

Что мы выяснили к настоящему моменту?

«Плохая вера» – это вера, но неправильная. В ней недостает чего-то существенного по сравнению с верой. Поэтому я говорю о «бедной вере».

Плохая вера знает и не знает одновременно, верит и не верит. Она видит очевидное, но почему-то в нем не убеждена.

Плохая вера основывается на себе самой и знает, что это основание неустойчивое. Сартр отмечает эту сторону веры самообмана и довольно точно говорит о ее «неубедительной очевидности».[3, С. 102] Вроде бы перед нами верующий, и даже горячо верующий, но он почему-то не убежден в предмете своей веры.

Далее Сартр предлагает довольно точный анализ последствий такой неубедительной очевидности.

Первое следствие: скромность. Такой «верующий» не требует от Предмета веры слишком многого:

Самообман полностью обрисовывается в решении, которое принимает, чтобы не слишком требовать, чтобы считать себя удовлетворенным, когда будет плохо убедительным, чтобы укрепить своим решением согласие с недостоверными истинами.[3, С. 102]

Вспомним, как судит о вере основатель журнала «Фома» Владимир Гурболиков.[5] У него Православие есть чистая вера самообмана, учитывающая, что она есть самообман.

У Сартра прозвучало еще одно правильное выражение: плохая вера есть решение согласиться с недостоверными истинами. Правильно. Мы же говорили, что нашей основной темой являются незнание и неверие.

Почему истины недостоверны? Вроде бы мы до этого говорили только о неубедительности.

Самообман знает, что верит в ложь, но не хочет в этом убедиться, не хочет проверить: истина это или ложь, – и поэтому основывается не на предмете веры, а на своем решении.

Как же нам описать такое состояние? Сартр опять же верно характеризует его как реальность особого рода, то есть «сон».

Сартр говорит, что в плохой вере «речь идет не об обдуманном и свободном решении, но о спонтанном определении нашего бытия. Начинают самообман, как засыпают, пребывают в самообмане, как во сне».[3, С. 102]

Вот такая это особая реальность: это сон. Он ложен: человек почему-то спит, когда должен бодрствовать. И сон не ложен: человек действительно заснул, и этим спонтанно определил свое бытие.

Такой человек одновременно искренен и не искренен. Ведь проснуться волевым образом невозможно. Раз ты заснул, остается как-то ориентироваться во сне, помня, что это сон.

Структура сознания

Плохая вера осознает свою структуру: то есть структуру непосредственно моего сознания. Сартр и это не оставляет без анализа, привлекая Гегеля:

Гегель показал бы тотчас, что непосредственность требует опосредования и что вера, становясь верой для себя, переходит в состояние неверия.[3, С. 103]

Правильно: «вера для себя» есть неверие. Совершенно точно.

Сартр разворачивает свою мысль:

Если я верю, что мой друг Пьер привязан ко мне, это означает, что его привязанность выступает для меня как смысл всех его действий. Вера является особым сознанием смысла действий Пьера. Но если я знаю, что я верю, вера появляется для меня как чистое субъективное определение без внешнего коррелята.[3, С. 103]

Предмет веры исчезает из поля зрения. Вместо этого человек знает о своих религиозных чувствах, и это знание кажется ему более твердым, чем собственно вера.

Здесь мы имеем дело с таким явлением, как «психологическая вера».

Вспомним, что митр. Антоний Сурожский на разные лады повторяет, что он не верует, а знает:

Я верю, потому что знаю, что Бог существует.[6, С. 206]

Что касается веры, я начал с чего-то, что представлялось убедительным опытным переживанием того, что Бог существует.[6, С. 207]

Я объективно знаю, что Бог есть.[6, С. 209]

О. Петр (Мещеринов) говорит, что знает Святого Духа, сам будучи маловерующим и верующим в ложь:

Я знаю Святого Духа. Он всегда пребывает во мне.[7]

Я знаком со Св. Духом.[7]

Мой Святой Дух, Он же – Дух Церкви.[7]

Опереться на **опыт** веры кажется более надежным, чем просто верить. Но, анализ Сартра показал, что опыт веры есть тоже вера, и, значит, уйти от неуверенности не получается.

Пришло время сделать идеологические, политические выводы. К ним нас Сартр и подвел.

Плохая вера понимает, что ее могут подвергнуть проверке, потребовать от нее объяснений. Такой «верующий» живет с оглядкой на окружение. Он вынужден теоретизировать о вере, и этим защищаться от неудобных вопросов.

Так поступают и наши модернисты: они много думают о том, что такое вера, много пишут на эту тему, сами не веруя, то есть веруя плохой верой.

У истинно верующего человека такой проблемы не возникает. Он один предстоит пред Богом, и Ему дает отчет. Это только плохая вера предстоит перед обществом, потому что знает вместе с Гегелем, что «вера для себя» есть неверие.

Чтобы утвердиться в плохой вере, ее необходимо навязать другим. Сартр пишет об этом так:

Самообман осознает свою структуру и принимает меры предосторожности, решая, что метастабильная (то есть просто неустойчивая, толкни – и упадет.– В.Р.) структура является структурой бытия и что неубедительность оказывается структурой всех убеждений.[3, С. 102]

Вот как! Это прямо из журнала «Фома»! Неустойчивость, недостоверность, непроверяемость, неубедительность любой веры – это и есть Православие модернистов, то есть уже ложная структура сознания.

Что же происходит с предметом плохой веры? Он оказывается доступен для любой фальсификации, подмены.

«Человек верит в Бога, Бог верит в человека». Пожалуйста, пример вам из митр. Антония Сурожского.²

Или: «Богослужение – это когда Бог служит человеку». Это о. Алексей Уминский.³

Вот почему такую веру можно называть *бедной*: она лишена Предмета веры. Человек остается наедине с людьми, в коллективных переживаниях, в которых перепутались знание и вера, вера и неверие, знание и глубокое незнание того, как устроен мир.

Мы говорим столь подробно о вере самообмана, чтобы показать, что плохая вера есть не просто ложь. По выражению Фогелена, по сравнению с этим лжец – образец честности.

² См., например: «Христос пришел, чтобы люди поверили в себя. Христос стал человеком для того, чтобы все мы, все без остатка, включая тех, которые в себя потеряли всякую веру, знали, что Бог верит в нас, верит в нас в нашем падении, верит в нас, когда мы изверились друг во друге и в себе, верит так, что не боится стать одним из нас. Бог в нас верит».[8, С. 13-14]

³ Например: «Что значит богослужение? Сразу найдется тот, кто скажет, что мы приходим на богослужение, чтобы служить Богу. Когда мы идем на богослужение, происходит ровно наоборот. Богослужение – это когда Бог служит человеку».[9]

О нет, тут все объективно, тут ложь выступает как форма бытия человека, а неверие как разновидность веры. «Природа сознания такова, что в нем опосредованное и непосредственное являются одним и тем же бытием», — говорит Сартр⁴. [3, С. 103]

Почему модернисты и идеологи говорят безверные, ужасные и вызывающие вещи? Потому что не могут не говорить. Они должны говорить, верить и не верить в то, что говорят.

Чтобы ложь была успешной, лжец должен сам верить в нее и не верить. Но он почувствует себя в безопасности в Церкви только тогда, когда вокруг него никто тоже не будет верить по-настоящему.

Верующий раздражает модерниста. Верующие — дураки, но дураки опасные, потому что могут лишиться тебя твоей веры в то, что ты верующий. Как же православные могут лишиться модернистов этой веры? Проверив веру модернистов на истинность ее предмета.⁵

Модернисты снисходят к верующим, хотели бы помочь им, лишив веры и заменив ее верой самообмана. Для этого и нужна модернистская пропаганда.

Саморазрушение сознания

Сартр приходит к верному наблюдению:

Следовательно, первоначальный проект самообмана есть только использование этого саморазрушения факта сознания. [3, С. 103]

У модернистов определенным образом разрушено сознание. Они сами его разрушили. Никто кроме них не виноват, что их сознание патологическое, способное ужиться с такими саморазрушающимися фактами сознания как вера, подвергая их осознанию.

Вот к чему мы, наконец, приходим вслед за Сартром:

Идеал добросовестности (верить тому, чему веришь) есть, как и идеал искренности (быть тем, чем являешься), идеал бытия-в-себе. [3, С. 103]

Но модернисты, как мы выяснили, не верят тому, чему верят, и не являются тем, чем являются. Значит, для модернистов

всякая вера не является достаточно верой, никогда не верят тому, чему верят. [3, С. 103]

⁴ Выше он определял проект самообмана как тоже самообман.

⁵ «Верить — значит знать, что веришь, а знать, что веришь, — значит больше не верить. Таким образом, верить — значит больше не верить, поскольку только это и означает верить, то и другое — в единстве неполагаемого (нететического) сознания себя», — пишет Сартр. [3, С. 103]

Вот и окончательный вывод: модернисты пребывают в Церкви, и это служит им доказательством, что у верующих сознание может быть только такое, как у них самих:

Если всякая вера из искренности оказывается невозможной верой, то, значит, есть место всякой невозможной вере. Моя неспособность верить, например, что я мужествен, больше не отталкивает меня, поскольку действительно всякая вера никогда не может быть достаточно верой.[3, С. 103]

Неубедительность оказывается структурой всех убеждений [3, С. 102], –

заключает Сартр.

Любые мнения – всего лишь мнения. Все верующие – это неверующие. И если бы так было на самом деле, то в такой Церкви модернист мог бы, наконец, успокоиться и перестать ее реформировать.

Чего же не хватает для полного торжества модернизма, то есть полного утверждения модернистов в вере самообмана? Не хватает того, что не у всех верующих разрушено сознание. Некоторые христиане еще веруют в Истину, и этим разрушают веру модернистов.

Фогелен о плохой вере

Понятие «ПЛОХАЯ ВЕРА» оказалось очень важным для нашей программы по изучению модернизма. Сначала мы обнаружили это понятие в письме к нам на сайт.[1] Затем, с помощью Ж.П. Сартра, мы выяснили, что плохая вера есть вера самообмана.

Осталось предложить анализ этого понятия, который я нашел у американско-австрийского философа Эриха Фогелена.[2, Р. 235-239] Все, что мы узнаем, также отправится в нашу копилку знаний о православном модернизме.

Фогелен подходит к плохой вере через понятие ВТОРОЙ РЕАЛЬНОСТИ.

Идеолог и одуроченные им люди живут в выдуманном мире. Чтобы поверить в этот мир, нужно закрыться от мира, созданного и управляемого Богом. Все проникающее во вторую реальность из мира действительного подвергается фальсификации или прямо отвергается как ложь.

Итак, вторая реальность состоит из очевидно ложных понятий, утверждений и недолжных поступков. Стоит проверить их на истинность и праведность, ложь и преступления будут очевидны. Вторая реальность защищается от этого, запрещая такую проверку.

Почему во второй реальности запрещено задавать вопросы? Потому что идеологические тезисы при проверке не подтверждаются, а действия оказываются аморальными.

Фогелен пишет, что идеологии сохраняют свое кажущееся достоинство, пока не заданы вопросы о том, истинны ли доказательства, на которых основана та или иная вторая реальность:

Даже в случае философских систем – гегельянской или марксистской – не принято задавать неприятных вопросов о достоверности их оснований. Если вы принимаете основания, все остальное вытекает из них самым замечательным образом, потому что эти люди рассуждают более-менее логично. Но если задаете вопросы об основаниях, вся система рушится. Поэтому так важно не задавать вопросов. Или в вопросах эмпирических, как в случае философии истории Гегеля: все идет отлично, если вы просто читаете ее как роман и не проверяете, как она согласуется с историческими фактами.[2, Р. 234]

То же самое, конечно, относится к православному модернизму. Например, о. Флоренский утверждает, что всякая истина самопротиворечива.[10, С. 147] Стоит проверить это фундаментальное для него утверждение, и мы обнаружим только то, что оно само ложно и самопротиворечиво.

Верно это и относительно эмпирических фактов Церковной истории, истории богослужения, вопросов толкования Писания.

Модернисты не могут не сообщать ложных сведений и должны защищать свою ложь с помощью запрета на исследование.

Фогелен переходит к исследованию духовных проблем. Он пишет:

Интересное явление нашего времени состоит, во-первых, в том, что люди создают такие мысленные конструкции, не обращая внимания на доказательства, опровергающие их системы. Во-вторых, и это тоже достаточно любопытно: те, кого считают жертвами этих конструкций, обычно тоже не задают вопросов, но верят тому, что им говорят.[2, Р. 235]

Такая вот любопытная картина! Никто не задает вопросов: ни лжецы, ни обманутые ими. Даже борцы за истину не знают, как им подступиться ко второй реальности, потому что не задают нужные вопросы. Поэтому мы и погрузились во вторую реальность:

Мы живем в атмосфере вторых реальностей (их много, и они соперничают между собой. – В.Р.), потому что создатели вторых реальностей не задают себе вопросов о своих системах, и жертвы систем тоже их не задают.[2, Р. 235]

Понятие «ПЛОХАЯ ВЕРА» и нужно для того, чтобы научиться задавать правильные вопросы.

Фогелен пишет:

Мы в области плохой веры, если наши конструкции очевидно противоречат истине и при этом вопросы об истине задавать нельзя, и их, в самом деле, не задают. Почему же, и не задавая вопросов, все знают, что с окружающим миром и обществом что-то не так?[2, Р. 235]

Никто критически не судит о реальности, но при этом все знают, что с Церковью, российским или американским государством что-то не так. Все говорят, например, о кризисе Церкви, даже неверующие. Чем объяснить такое знание и незнание?

Фогелен приводит общее определение плохой веры, которое дает Сартр:

Самообман не сохраняет норм и критериев истины, как они принимаются критическим мышлением правдивости.[3, С. 102]

Вместо критериев истины у плохой веры есть воля к вере.

Плохая вера имеет волевую природу. Она решает о природе истины:

О чем самообман решает сначала, и есть в действительности природа истины (Сартр).[3, С. 102]

С самообманом появляются истина, метод мышления, тип бытия объектов; и этот мир самообмана, которым внезапно окружается субъект, имеет онтологическую характеристику, заключающуюся в том, что бытие в нем есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является (Сартр).[3, С. 102]

То есть у плохой веры есть своя истина. Фогелен дает определение истины, которую содержат все конструкции плохой веры:

То, что есть на самом деле, – не истинно, истинно то, чего на самом деле нет. Каждый, кто наблюдал за тоталитарными режимами, понимает, как это работает.[2, Р. 235]

Мы знаем, как это работает на примере православного модернизма:

Русская мечта — это мир без зла, всеобщее счастье для всех народов, а не только для русских.[11, С. 129]

Чтобы всё было хорошо – это и есть русская мечта. Чтобы всё было хорошо для всех всегда и навсегда».[12]

Далее, Фогелен исследует «истинность того, чего на самом деле нет» и обнаруживает дальнейшие признаки плохой веры:

неубедительную очевидность,
готовность поверить неубедительным доказательствам,
скромность.

Начнем с того, что внутри конструкций плохой веры возникает неубедительная очевидность:

Самообман постигает очевидности, но он заранее отказывается быть выполненным этими очевидностями, чтобы не быть убеждающим и превращенным в правдивость (Сартр).[3, С. 102]

Плохая вера не хочет превратиться в правдивость, хотя краем сознания постигает действительное положение вещей. В это состоит ее скромность.

Плохая вера готова поверить неубедительным доказательствам:

Она делается смиренной и скромной; она не игнорирует, что вера есть решение и что после каждой интуиции нужно решать и желать того, что есть. Таким образом, самообман в своем первоначальном проекте и с начала своего возникновения принимает решение о точной природе своих требований (Сартр).[3, С. 102]

Фогелен принимает эту формулировку Сартра как современное определение плохой веры и продолжает:

Вы сразу видите, что это значит... Истина существует только внутри системы: допустим, в интерпретации гегельянской системы, как о ней учит последователь Гегеля. Сначала вы должны согласиться с первыми положениями, потом обсуждать содержание системы. Тут вы и попались, конечно, потому что ошибка содержалась в первом положении, а не в деталях. Устанавливаются особые условия для рассуждения. Одно из них: не допускать задавать вопросов о первых положениях. Как это достигается?[2, Р. 236]

Фогелен отмечает деликатную формулировку у Сартра, когда тот объясняет, что самообман

полностью обрисовывается в решении, которое принимает, чтобы не слишком требовать, чтобы считать себя удовлетворенным, когда будет плохо убедительным, чтобы укрепить своим решением согласие с недоверенными истинами.[3, С. 102]

Ты соглашаешься считать убедительным неубедительное доказательство, если очень хочешь во что-то верить. А о проверке достоверности ты не заботишься.

Вот какое патологическое состояние обнаруживает Фогелен благодаря понятию плохая вера.

Далее Эрих Фогелен указывает на аморальный характер такой веры:

Плохая вера сложно устроена. Она не просто не знает истины. Ты должен сначала узнать об истине, чтобы потом не желать ее знать. Здесь мы видим многослойную структуру плохой веры. Она не требует слишком многого, или как пишет Сартр: «Этот первичный проект самообмана является его решением о природе веры».[3, С. 102]

Верить в необуздательные доказательства – это твое решение, безнравственное решение верить необуздательному.[2, Р. 237]

Плохо верующий не лжет. Здесь мы имеем сложный психологический процесс, когда человек знает и в то же время не знает. Сартр, например, великолепным образом приводит в качестве примера таких проблем понятие из фрейдизма: «цензор».[2, Р. 237]

Согласно Фрейду, «цензор» подавляет или изменяет неосознанные мысли и желания. Фогелен отмечает:

Конечно, цензор способен подавлять неосознанное, только если знает, что находится в подсознании. Если бы цензор не знал, что находится в подсознании, и того, почему оно не должно сознаваться, то не мог бы его подавлять. Следовательно, неосознанное вовсе не является неосознанным, а, напротив, сознательно подавляет то, что человек знает. И это нас подводит к очень интересной проблеме, –

считает Фогелен.[2, Р. 237]

Самообман стремится запутать вопрос об истине и лжи, и поэтому, как пишет Фогелен:

В сравнении с самообманом простой лжец – это честный человек.

«Раз этот способ бытия реализуется, отсюда выйти так же трудно, как пробудиться» (Сартр).[3, С. 102][2, Р. 238]

Мы видели, что Сартр говорит о самообмане как о своего рода сне:

Самообман является типом бытия-в-мире, как бодрствование или сон, которые стремятся сами по себе продолжаться непрерывно, хотя его структура является по своему типу метастабильной.[3, С. 102]

Эрих Фогелен разъясняет, что «метастабильный» значит у Сартра «неустойчивый»:

«Самообман осознает свою структуру и принимает меры предосторожности, решая, что метастабильная структура является структурой бытия и что необуздательность оказывается структурой всех убеждений» (Сартр). [3, С. 102]

Значит, если вы спорите с таким человеком и прижмете его к стенке в каком-то вопросе, он вам ответит: «Всякая вера есть плохая вера», или «Все мнения – всего лишь мнения», или, что любые воззрения являются идеологиями, и «Истина не существует» и так далее. И на этом конец дискуссии, если мы не продолжаем спрашивать. Или, дискуссия продолжается:

«Всякая вера не является достаточно верой, никогда не верят тому, чему верят» (Сартр).[3, С. 103]

Правильно. Будь иначе, мы бы знали определенно.

«И следовательно, первоначальный проект самообмана есть только использование этого саморазрушения факта сознания» (Сартр).[3, С. 103]

Всякая вера содержит в себе элемент неверия:

«Если всякая вера из искренности оказывается невозможной верой, то, значит, есть место всякой невозможной вере».[3, С. 103][2, Р. 238]

Изложение Фогелена подвело нас к тому, что самообман сложно устроен. У него есть структура.

Структура самообмана

Сартр пишет:

Истинно, что, находясь в самообмане, нельзя верить тому, чему хочешь верить. Но именно как согласие не верить тому, чему веришь, вера и является самообманом. Правдивость бежит от «неверия-в-то-во-что-веришь» в бытие.[3, С. 104]

Фогелен комментирует:

От самообмана можно в любой момент избавиться, убежав в бытие, обратившись к реальности, поверив доказательствам. Если этого не происходит, то приходится заранее сомневаться во всякой вере. Так «самообман бежит от бытия в „неверие-в-то-во-что-веришь“» (Сартр)[3, С. 104], – возводя плохую веру в закон для человечества. «Все мнения – всего лишь мнения», и «одно мнение ничем не лучше любого другого», и так далее и тому подобное. Сартр прекрасно понимает, что от плохой веры можно избавиться, прикоснувшись к реальности и согласившись с доказательствами.[2, Р. 239]

Вот к чему мы пришли благодаря Эриху Фогелену: *самообман сложно устроен. Самообман есть структура сознания*, то есть идеология.

Такое сознание не верит в истину и ее не знает.

Чтобы не верить, оно признает необходимость сначала поверить верой самообмана.

Чтобы не знать, оно должно сперва узнать, чего именно оно не хочет знать.

Так духовно патологическое сознание становится замкнутым, сознательной ловушкой для сознания.

Реальность и плохая вера. Выводы антимодерниста

Вернемся к письму, которое мы разбирали вначале.[1] Из него мы увидели, что в современной Церковной жизни что-то не так, и не в деталях, а по ее религиозной сути.

Наш корреспондент привел два примера неубедительных слов одного священника: о католической обрядности и о спецоперации России на Украине.

Вместо речи пред Богом, во Христе (2 Кор. 2:17) священник выступает перед людьми, сообразуя мысли и слова с обстоятельствами. Он сообщает ложь, но как неправославного его почему-то не разоблачают. Он, в конце концов, побеждает своим смирением даже несогласных с ним.

Мы выяснили, что от разоблачения его защищает самообман, а точнее – ВЕРА САМООБМАНА.

Вера самообмана – не случайный порыв. Это духовно патологическое состояние, структура сознания, которая является социальным фактором.

Патологическое сознание отличается от здорового тем, что способно ужиться с такими саморазрушающимися фактами сознания, как вера самообмана и другими.

Патологическое сознание неустойчиво и знает об этом, и благодаря этому успешно сопротивляется всем попыткам его излечить. Оно сообразуется со своими и чужими мнениями, чувствует свою свободу творить все, что хочет.

Патологическое сознание создает свой новый общественный мир, который мы называем: «вторая реальность». С анализа второй реальности мы и начнем наше возвращение к порядку в душе.

Прежде всего надо помнить, что все человеческое происходит в реальном мире, перед Лицом Божиим. Все существенно человеческое совершается по-настоящему и имеет отношение к самому основанию бытия человека.

В чем возникает затруднение? В том, что предметом обсуждения является невидимое.

Конечно, в Богослужении и обрядности, в идеологии и военных действиях есть что-то видимое, но оно не позволяет нам убедиться: истинно или нет это видимое. Поэтому, например, православное богослужение может совне исследовать и модернист о. Желтов, и униат Тафт, и сектант о. Кочетков.

Исследуя видимое, например, ход спецоперации России на Украине, нужно опереться на невидимый закон:

Кто намерен говорить с умом, те должны крепко опираться на общее для всех, как граждане полиса – на закон, и даже гораздо крепче. Ибо все человеческие законы зависят от одного, Божественного: он

простирает свою власть так далеко, как только пожелает, и всему довлеет, и все превосходит (Гераклит).[14, С. 197]

В частности, справедливая война – это моральная реальность. Да, справедливость невидима, но тем легче в ней убедиться и тем тверже ее надо держаться. Как пишет Аристотель, «знание нематериальных предметов тождественно предмету знания»⁶. [14, С. 194-195]

Тем более это относится к христианской вере, уповаемых извещению, вещи обличению⁷ невидимых, потому что здесь невидимое – вечно.

Хотя все настолько ясно, определенным людям это кажется затруднительным. Почему-то трудно признать, что невидимый закон повелевает и тебе, судит и твое сознание тоже.

На уровне разговоров такой невидимый закон отвергать легко, но человек рано или поздно убедится, что он не свободен, не сам себе хозяин в этом мире. Встретившись с этим очевидным фактом, человек переживает стресс. Тогда он либо просыпается для жизни в реальном мире, либо у него рождается патологическое сознание со всей его психопатологической начинкой.

В наши дни патологическое сознание активно продуцирует антивоенную пропаганду, предлагая христианам встать над схваткой.

Что значит быть над схваткой? Значит быть в выдуманной реальности, которой нет.

Кто осмеливается предлагать христианам переселиться мыслями туда, где ничего нет? Создатели второй реальности, решающие все судьбы века, как, например, скромный протоиерей Степанов из Петербурга, осуждающий спецоперацию, но предлагающий подождать и посмотреть, чем все кончится.[17]

Наверно, следовало бы подробнее рассмотреть эти случаи патологии духа, но для нас сейчас важно, что это не личное уклонение.

Модернисты уходят от моральной определенности, и думают, что в этом и состоит религиозный взгляд на вещи. Тут мы видим религиозное модернистское сознание как разновидность патологического. Отсюда все эти тезисы:

Церковь вне политики.

В Церковь ходят люди всех политических убеждений.

Церковь призвана объединять людей вне зависимости от их политической ориентации... Церковь открыта для всех.

⁶ В другом переводе: «Умозрительное познание и умозрительно познаваемое – одно и то же».[13, С. 435]

⁷ Доказательство, избличение, разоблачение.[15, С. 498] разбор, расследование.[16, С. 78]

Модернисты полагают, что «церковность», в которую уверовали верой самообмана, защищает их от нравственной определенности. На самом деле происходит совсем другое. Их сознание не может перенести суда над ним и саморазрушается, становится патологическим.

Сообразование с ложью оказывается болезненным и не проходит бесследно. Оно приносит смерть душе.

Вера и знание

Откуда возникает необходимость верить недостоверным истинам? Почему бы не обратиться к самой реальности, и проверить: есть ли что-нибудь вне политики, есть ли что-нибудь над схваткой, открыта ли Церковь для всех?

Реальность – она тут же, рядом, только руку протяни.

Следовательно, патологическое сознание не безвинно. Оно не заслуживает сострадания как больное, потому что верит и не верит в истину. Оно знает истину и ее не знает.

Чтобы не верить, патологическое сознание признает необходимость сначала поверить верой самообмана, верой светской, уверенностью помимо веры.

Чтобы не знать, оно должно сперва узнать истину, которую не хочет знать.

Как писал о. Серафим (Роуз):

Сам феномен Апостасии, феномен отпадения от Истины, заключается в том, что люди не могут свежо воспринять Благовестие. Они уже слышали о нем, и у них есть прививка против него.[18]

Мы не можем выдавить модернистов из Церкви и не можем уговорить их не разрушать Церковь.

Мы недоумеваем: зачем идти в Церковь, чтобы ее разрушить? Зачем лгать на истину, если для тебя истина не имеет значения?

Незнающих мы бы могли научить. Неверующим могли бы проповедать истину. А так модернисты ни для чего не годны, не поддаются никаким убеждениям, оберегая свое патологическое сознание от прикосновения к реальности.

Они веруют верой самообмана и знают истину ровно настолько, чтобы попирать ее ногами своими, обращаются к Церкви и терзают Ее (Мф. 7:6).

Как нам вернуться к порядку в душе?

Наш разговор о плохой вере был бы бесполезным, если бы мы пришли только к тому выводу, что модернисты в Церкви непобедимы. Наряду с модернистами существуют и православные.

Для православных непросто сохранить порядок в душе, столкнувшись с модернистами. Теперь мы несколько глубже чем раньше понимаем, в чем тут затруднение.

Различие между нами и модернистами не такое, как между верующими и неверующими.

Модернисты знают о том, что мы существуем в Церкви рядом с ними. Они знают о нашей вере. Им известно то же, что и нам.

Поэтому не может быть программы по обращению людей из плохой веры. Не существует и метода, как обратить самого себя к вере, исправить и спасти себя самого. В отличие от плохой веры, мы веруем во Христа-Спасителя, а не в то, что мы верующие.

Значит, нам предстоит не беседовать с модернистами диалектически или проповедовать им истинное Православие, а бороться с ними ради истины.

Таким образом, мы приходим к простому различию истины и лжи в душе и к простому различию людей в Церковной и общественной жизни. Это можно считать христианским философским выводом из рассуждения о плохой вере.

Набрано и сверстано в текстовом процессе L_YX.

Предметный указатель

Аморализм, 4, 17
Антоний (Блум), митр., 11, 12
Аристотель, 21
Борьба, 23
Воля, 9
Вторая реальность, 14
Гегель Георг Вильгельм Фридрих, 8, 11, 12, 15, 17
Гераклит, 21
Мнение, 6
Неубедительная очевидность, 10
Петр (Мещеринов), о., 11
Психологическая вера, 11
Психология, 7
Саморазрушение сознания, 13
Сартр Жан-Поль, 8–19
Серафим (Роуз), о., 22
Скромность, 10
Согласие с недостоверными истинами, 10
Сон, 6, 10
Стресс, 21
Структура сознания, 11
Уминский Алексей о., 12
Фогелен Эрих, 8, 12, 14–19
Фрейд Зигмунд, 18

Список литературы

- [1] *Белкин, Трофим*. Комментарий 2022-05-02 к статье Р. Вершилло. Политический реализм и Христианство // Антимодернизм.ру. – 2022. – 25.04.2022. <https://antimodern.ru/politicheskij-realizm-i-hristianstvo/#comment-146169>
- [2] *Voegelin E.* The Drama of Humanity. // The drama of humanity and other miscellaneous papers, 1939-1985 / W. Petropulos [et al.]. Columbia, Mo., London: University of Missouri Press, 2004. P. 174–242.
- [3] *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. Москва: Республика, 2000. 639 с.
- [4] *Достоевский Ф. М.* Бесы. // Полное собрание сочинений в 30-ти т. Ленинград: Наука, 1972-1990.
- [5] «Православие и мир» продолжает проповедь неверия [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/pravoslavie-i-mir-prodolzhaet-propoved-neveriya/> (дата обращения: 12.05.2022).
- [6] *митр. Антоний (Блум), Ласки М.* Диалог атеиста с христианином (1970 г.). // Труды. Москва: Практика, 1970. С. 206–223.
- [7] *о. Петр (Мещеринов)*. Декларация о Св. Духе [Электронный ресурс]. URL: <http://web.archive.org/web/20070516122044/http://www.cdrm.ru:80/kerigma/rek-lit/teolog/petr/DeklaracoDuhe.htm> (дата обращения: 12.05.2022).
- [8] *митр. Антоний (Блум)*. Рождество Христово (1970 г.). // Проповеди и беседы. Москва: Либрис; Православное Братство Трезвости «Отрада и утешение», 1991.
- [9] *о. Уминский, Алексей*. Община – это не кружок по интересам [Электронный ресурс]. URL: http://www.sobor.by/page/Obshchina_eto_ne_krugok_po_interesam__protoierey_Aleksey_Uminskiy (дата обращения: 12.05.2022).
- [10] *о. Флоренский Павел*. Столп и утверждение истины: Опыт православной Феодиицы в 12 письмах свящ. Павла Флоренского. М.: Путь, 1914.
- [11] *митр. Путьим (Нечаев)*. «Русская идея» и взаимовлияние западного и восточного христианства // Малая Церковь. Настольная книга прихожанина. – М.: Русский мир, 1992. – С. 123-132.
- [12] Псковская правда. Митрополит Псковский и Порховский благословил движение «Русская мечта» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravdapskov.ru/news/0027380.html> (дата обращения: 16.05.2022).
- [13] *Аристотель*. О душе. // Сочинения. Москва: Мысль, 1978-1984.
- [14] Фрагменты ранних греческих философов. М.: "Наука", 1989. Часть 1.
- [15] Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). Том. V.
- [16] Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 12.
- [17] *о. Степанов, Александр*. «Пастырский час». Протоиерей Александр Степанов. 6 мая 2022 г. // Радио «Град Петров» <https://youtu.be/kSxDwsYiFiA>
- [18] *о. Серафим (Поуз)*. По столам св. Патрика, просветителя Ирландии [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/st-patrick/> (дата обращения: 17.05.2022).